

Оригинальная статья / Original article

УДК 929

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-1-225-235>

РЯДОМ С УЧИТЕЛЕМ И ДРУГОМ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Н. ЩЕРБАКОВА

© А.А. Иванов^а, С.И. Кузнецов^а, Ю.А. Петрушин^б

^а Иркутский государственный университет,

Российская Федерация, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2.

^б Иркутский государственный университет путей сообщения,

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15.

Аннотация. Статья посвящена Николаю Николаевичу Щербакову, доктору исторических наук, профессору, известному сибирскому историку, признанному специалисту в изучении политической ссылки 1905–1917 гг., двадцать лет (1985–2005) возглавлявшему кафедру отечественной истории и политологии ИГУ. Авторы, долгое время работавшие рядом с Н.Н. Щербаковым, вспоминают его человеческие качества, рассказывают о повседневном облике этого талантливого ученого.

Ключевые слова: Н.Н. Щербаков, историческая наука, исторический факультет.

Формат цитирования: Иванов А.А., Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А. Рядом с учителем и другом. К 80-летию со дня рождения Н.Н. Щербакова // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 225–235. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-225-235

NEAR THE TEACHER AND THE FRIEND

TO THE 80 ANNIVERSARY SINCE THE BIRTH OF N.N. SCHERBAKOV

© A.A. Ivanov^a, S.I. Kuznetsov^a, Yu.A. Petrushin^b

^a Irkutsk State University,

2 Chkalova Str., Irkutsk 664025, Russian Federation

^b Irkutsk State University of Railway Transport,

15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. Article is devoted to Nikolay Nikolaevich Scherbakov, the doctor of historical sciences, professor, he was famous to the Siberian historians, the recognized expert in studying of political exile of 1905–1917, twenty years (1985–2005) head the Department of national history and political science. Authors long times working near N.N. Scherbakov, first of all, remember his human qualities, tell about daily oblique of this talented scientist.

Keywords: N.N. Scherbakov, historical science, department of history

For citation: Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. Near the Teacher and the Friend: to the 80 Anniversary Since the Birth of N.N. Scherbakov. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 225–235. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-225-235

Мы живем в постоянно изменяющемся мире. Повседневные явления окружают нас. Они мало-заметны в своей привычности, но играют огромную роль в познании мира и человека. Повседневность первична, безусловна для всех людей, везде и всегда. Но она неоднородна, неодинакова по содержанию и назначению. В представленном очерке авторы через повседневную жизнь своего учителя и друга попытались раскрыть некоторые стороны

личности профессора Н.Н. Щербакова и по-новому осмыслить недалекое прошлое.

Мои (С.И. Кузнецов) сугубо субъективные воспоминания о Николае Николаевиче Щербакове касаются нескольких периодов – конца 60-х годов, когда он впервые появился у нас дома, 70-е годы, когда я встречал его в университете, будучи уже студентом истфака и, наконец, 90-е – начала 2000 годов, когда мы уже были коллегами. Иногда мы

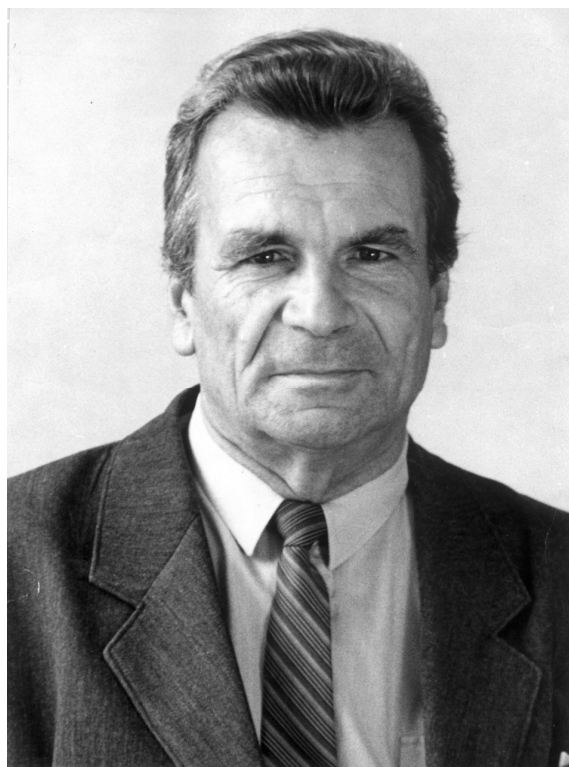

Рис. 1. Н.Н. Щербаков. Начало 2000-х

Fig. 1. N.N. Shcherbakov. Early 2000's

не виделись месяцами и даже годами, иногда наши встречи были ежедневными.

В доме моего отца И.И. Кузнецова – тогда доцента кафедры истории СССР Иркутского университета Н.Н. Щербаков стал появляться в конце 60-х годов. Как я теперь понимаю, он завершал кандидатскую диссертацию и активно обсуждал все, что с этим было связано, с историками старшего поколения. Было тогда моему отцу и неизменному участнику их деловых и застольных бесед В.Т. Агалакову чуть за сорок, 30-летний Щербаков был для них – умудренных опытом доцентов, «молодежью». К слову сказать, звание доцента в те годы «стоило» гораздо больше, нежели сейчас и давалось совсем нелегко. Профессоров были единицы, и они казались настоящими небожителями. Разумеется, мне все их тогдашние разговоры, в силу возраста, были малоинтересны, но что-то в память запало – детская память цепкая. Что-то я домыслил гораздо позднее, сопоставив воспоминания с более поздними разговорами с самим Щербаковым.

Архивы, знание фондов, вот что они ценили превыше всего. И действительно, настоящий историк в те времена искал ответы на вопросы исклю-

чительно в архиве. Доскональное знание историографии подразумевалось само собой, это была азбука. Не было интернета с его готовыми ответами на любой вопрос, только архив! А тех, кто за главный источник почитал «КПСС в резолюциях» и в те времена не особо уважали. Особо ценились, разумеется, сведения, извлеченные из фондов, недоступных для широкой публики. Мой отец имел прочные связи в Министерстве обороны – с архивами ему помогал сам начальник Главного управления кадров Министерства обороны, а позже командующий Московским военным округом генерал А.П. Белобородов. В.Т. Агалаков нашел путь к немногим уцелевшим деятелям революционного движения в Сибири и их родственникам. Н.Н. Щербаков полагался на собственные силы, природное обаяние, коммуникабельность. Он прекрасно находил общий язык с любым. Это меня удивляло и впоследствии – в одной компании с ним можно было встретить кого угодно: и военных, и сотрудников правоохранительных органов, и простых рабочих. Никто не чувствовал себя инородным телом, со всеми он находил общие темы и разговаривал всегда на равных.

Во время одного из таких «заседаний» у нас дома отец подарил Н.Н. Щербакову изрядно потрепанное 30-томное третье издание собраний сочинений В.И. Ленина. То самое, в красном тряпичном переплете, с черным профилем Ильича на обложке и римскими цифрами на корешке издание 1925–1932 гг. У специалистов оно очень ценилось не только тем, что его редактировал и написал предисловие «враг народа» Л. Каменев. Считалось, что в нем еще не было тех купюр, что появились в последующих изданиях, к тому же имелись замечательные, исчезнувшие впоследствии комментарии. Современному читателю стоит пояснить, что для цитирования классиков – неперемного условия работы любого историка и обществоведа того времени – это издание было уже непригодно. Цитировать полагалось по четвертому, а позднее – по пятому изданию сочинений вождя. Николай Николаевич сложил все эти тридцать книжек в огромную авоську и унес, взвалив на плечо. Собеседники его иронично напутствовали, намекая, что «мужик не Блюхера и не милорда глупого с базара уно-

сил». Надо сказать, что все трое – И.И. Кузнецов, В.Т. Агалаков и Н.Н. Щербаков обладали отменным чувством юмора, прекрасно понимали шутку и розыгрыш. Часто их разговоры прерывались богатырским хохотом.

В 1973 г. я поступил на истфак Иркутского университета и в 1976 г. на четвертом курсе встретился с Николаем Николаевичем, который читал у нас курс русской историографии. Лектор он был прекрасный – особый, мужественный тембр голоса, прекрасная образная, литературная речь. В те, не очень, надо сказать, частые случаи, когда я оказывался на его лекции, слушал его всегда с удовольствием. Настало время экзамена. Лекции я особо не писал и спросил отца, что бы такое почитать по этому «хитрому» предмету. Он мне кивнул на книгу Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» 1941 г. издания. Прочитал ее легко, можно сказать с удовольствием. Когда на экзамене я сказал Николаю Николаевичу, что готовился по Рубинштейну, он без долгих разговоров вывел в зачетке «отлично». Правда, не преминул сказать, что сдавал этот же предмет И.И. Кузнецову два или три раза. На что я нахально заявил – «Так готовиться лучше надо было, Николай Николаевич!» Он только крикнул в ответ.

С 1982 г. я работаю на историческом факультете. В те годы мы с Николаем Николаевичем тесно не общались – у меня был свой круг молодых аспирантов и преподавателей. Виделись с ним только летом в ходе приемной кампании. Он часто выполнял обязанности председателя предметной комиссии по истории и привлекал меня в качестве экзаменатора. Иногда доводилось принимать экзамены в паре с ним. И это тоже была для меня хорошая школа.

Он сам, да и его окружение были старше нас на 20, а то и больше лет, и общего у нас, конечно, в то время было, прямо скажем, мало. Его друзья, с которыми мы неизменно встречали Николая Николаевича в те годы – Н.К. Струк, В.В. Яровой, С.Ф. Хроленок. Иногда в их кампании оказывался Б.Д. Пак, но по ряду причин, регулярного общения у них не получалось. С В.В. Яровым у Щербакова нередко случались довольно жесткие споры, порой выходящие за рамки академических дискуссий, собеседники горячились, иногда даже чересчур. Но проходило несколько дней, и их опять можно было видеть вместе. Несколько подчиненное положение в этой компании занимал Н.К. Струк. В его адрес Щербаков отпускал иногда довольно грубоватые шутки. Тот же отвечал искренней и неизменной

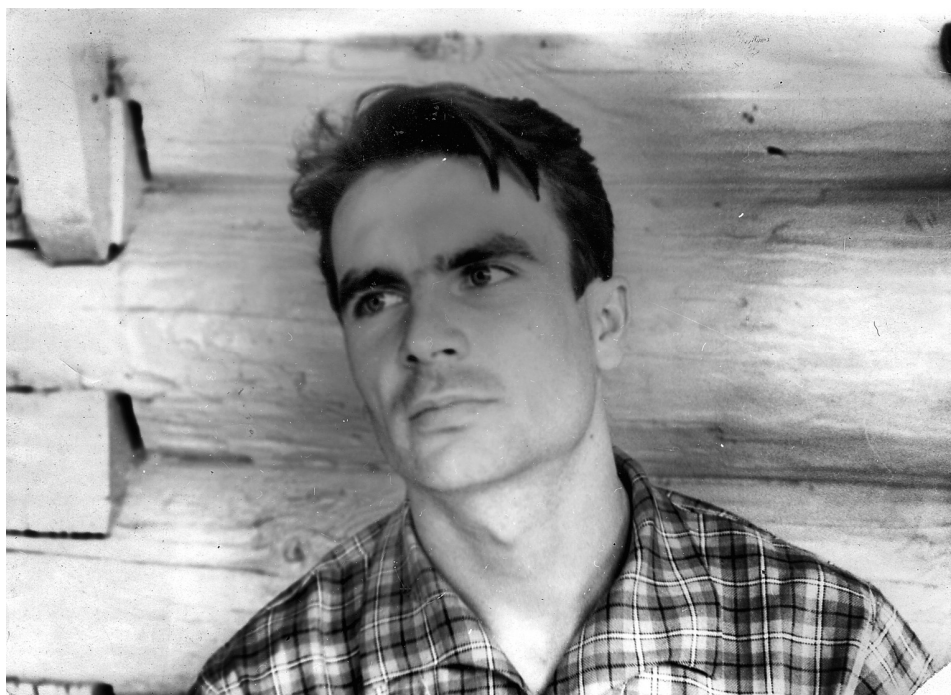

Рис. 2. Н.Н. Щербаков – молодой преподаватель
Fig. 2. N.N. Shcherbakov is a young teacher

привязанностью к «шефу», как он почему-то называл Николая Николаевича.

Наши контакты с Николаем Николаевичем стали регулярными в 90-е годы. После моей защиты докторской диссертации я был включен и в состав диссертационного совета Иркутского государственного университета, председателем которого после Б.С. Санжиева стал Николай Николаевич. Я также был включен в состав диссертационного совета Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ СО РАН) в Улан-Удэ, где мы оба представляли Иркутск. Иркутским советом Щербаков управлял решительно, был у него талант руководителя, может быть от военного прошлого? Был авторитет и, как сейчас говорят, особая харизма. Его почти ежедневно можно было встретить на кафедре, куда после обеда обыкновенно собирался круг его близких друзей и коллег, приходили защитившиеся в совете историки или жаждущие получить ученую степень. Разговоры обо всем на свете тяну-

лись бесконечно, люди приходили и уходили, неизменен был лишь Николай Николаевич, и его слово здесь всегда было авторитетным и решающим. Диссертационный совет был своеобразным стержнем исторического сообщества не только Иркутска, но и Бурятии. В него традиционно входили профессора из Улан-Удэ – Б.Б. Батуев, Ш.Б. Чимитдоржиев, Е.Е. Тармаханов, М.Н. Халбаев. В иркутском Совете защитились будущий академик Б.В. Базаров, профессор Л.В. Курас, которые позднее открыли и возглавили диссертационный Совет в ИМБТ.

Творческое сотрудничество и дружеские связи с историками Бурятии были очень важны для Н.Н. Щербакова. Наши поездки в Улан-Удэ на очередное заседание Совета были целыми эпопеями бесконечных встреч и дружеского общения, которые стойко выдерживал только Николай Николаевич. Вечером после защит в его комнате в гостинице (мы иронично называли ее «штабной номер») яблоку негде было упасть. Слушателей здесь не

Рис. 3. На заседании диссовета. Конец 1990-х. Слева направо В.Н. Казарин, Г.Н. Новиков, Н.Н. Щербаков, А.А. Иванов
Fig. 3. At the meeting of the dissertation council. The end of the 1990s. Left to right V.N. Kazarin, G.N. Novikov, N.N. Shcherbakov, A.A. Ivanov

было, одни ораторы. При этом все безбожно курили. Это не были праздные разговоры, но иногда и глубокие исторические дискуссии, обсуждались и координировались темы и защиты будущих диссертаций, определялись оппоненты и ведущие организации. Иногда казалось, что Николай Николаевич все это делает в ущерб себе, не зря же древние говорили *Amici fures temporis* – Друзья – похитители времени. Как бы то ни было, свою школу он вырастил, а сколько соискателей должны быть благодарны ему за совет и поддержку, и не сосчитать. Одна из наших с ним последних встреч была как раз в Улан-Удэ поздней осенью 2004 г. Он был уже болен, с трудом выдерживал многочасовые защиты. Но даже мысли не возникало, что корни его могучего организма уже подрублены. Давно уже нет на свете Н.Н. Щербакова, а лет то ему исполнилось бы сейчас всего лишь 80.

Десять лет прошло, как по горячим следам, после безвременной кончины Николая Николаевича Щербакова (1937–2005) вышла наша книга воспоминаний (Н.Н. Щербаков: ученый и педагог / под ред. Ю.А. Петрушина. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2007. 179 с. Соавт.: Б.В. Базаров, Ю.А. Зуляр, Л.В. Курас и др.). Сегодня многое (А.А. Иванов), описанное в той работе, кажется не таким – не столь важным, недостаточно характерным для нашего героя, может быть, где-то и несколько надуманным. Многие события, связанные с именем Н.Н., оцениваются сегодня иначе, и это вполне нормально, ведь и то время, и мы, авторы, были другими. А главное, у нас за этот срок выработались другие критерии ценности, оценки тех, кто рядом. Постепенно, на мой взгляд, к нам пришло понимание того, что не только своими трудами славен историк, но, в не меньшей степени, и своими человеческими чертами. И не статьи вспоминаются, когда в очередной раз провожаешь кого-то в последний путь, а его отношение к простым и непреходящим вещам – дружбе, порядочности, честности, взаимопомощи.

Со временем глянец воспоминаний о Н.Н. Щербакове потускнел, зато сам образ стал понятнее и ближе (ведь и мы стали старше), стали объяснимы многие его поступки, отдельные слова, черты характера. Стало понятным, что этот человек

не укладывается в дилемму «плохой – хороший», что есть в нем (как и в любом из нас) свои «темные и светлые стороны», которые неизменно уживаются и чередуются друг с другом в зависимости от многих, как хорошо видимых, так и неизвестных обстоятельств. Попробую здесь рассказать о некоторых чертах характера Н.Н. с позиций прошедших лет, изменивших, прежде всего, нас и наши суждения.

Летние «маёвки». Н.Н. был, безусловно, приятательной личностью. Видя его открытость, доступность, жизнерадостность к нему тянулись люди самых различных профессий и социальных слоев. При нем на кафедре в постоянной практике были «маевки» по случаю окончания учебного года. Обычно их проводили где-то в окрестностях Иркутска – на берегу залива или у кого-либо на даче. «Профсоюз» собирал со всех участников какие-то деньги, однако Н.Н. помимо этого неизменно приносил с собой чуть ли не полный рюкзак всевозможных домашних заготовок и с гордостью рассказывал тонкости своего, фирменного приготовления. Это был своеобразный ритуал, который приносил ему видимое удовольствие. Он и наукой занимался с удовольствием, а не было соответствующего настроения, так находил себе другие дела.

Как правило, к коллективу кафедры присоединялось еще два-три близких друга Николая Николаевича и в их числе неизменно Николай Кириллович Струк. На маевки эти выезжала добрая половина состава кафедры, в большей степени – молодежь. Те, кто был на таких выездах впервые, с удивлением могли заметить, насколько быстро преображался Николай Николаевич. Казалось, он становился выше, шире в плечах, движения приобретали легкость и размах. Он всегда был в центре нашей кафедральной компании, много и тонко шутил, интересно рассказывал анекдоты из жизни коллег-историков – такие небольшие «баечки» с поучительным концом, первым заразительно и открыто смеялся.

На таких «маевках» старшие коллеги неизменно переходили на «ты», называя друг друга исключительно по имени. Общий разговор всегда вращался вокруг истории как профессии, а также

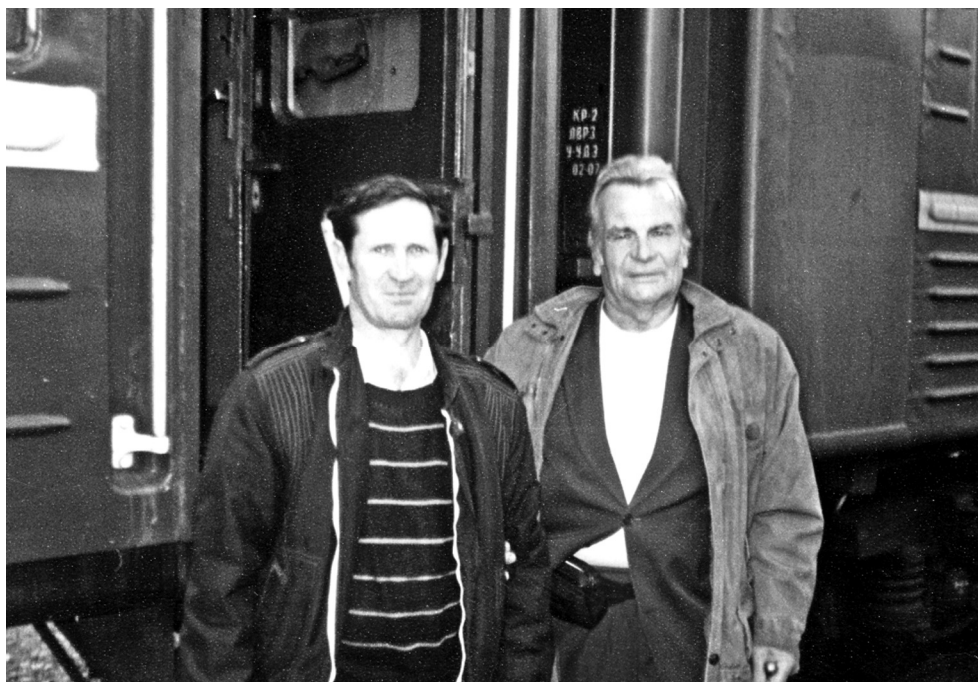

Рис. 4. Н.Н. Щербаков (справа) с Ю.А. Петрушиным, 2005 г.
Fig. 4. N.N. Shcherbakov (right) with Yu.A. Petrushin, 2005

«житейских» тем – рыбалка на леща (обычно лещ, пойманный и завяленный лично Н.Н., находился в центре стола), грибная охота, заготовка орехов, урожай на приусадебном участке, поездки на отдых. Говорить о лекциях и семинарах было здесь не принято, и если кто-то из молодых «сворачивал» в эту сторону, начиная «о наболевшем», на него смотрели осуждающе. Алкоголя выпивалось не много и не мало, в основном молодым поколением, при этом я никогда не видел Н.Н., что называется «в подпитии». Вообще, рюмка для «стариков» была всегда лишь сопутствующим началом, приглашением к длинному, оживленному и интересному разговору.

Во второй половине застолья Н.Н., после непродолжительных уговоров, начинал петь. У него был сильный, красивый голос, насколько понимаю, тенор, а репертуар состоял из русских и украинских песен. Особенно хорошо ему удавалась песня о рушнике (так и не поворачивается рука написать «о полотенце»). Замечательные слова этой песни Н.Н. всегда исполнял проникновенно, видно было, как он буквально «погружался» в этот образ. Впечатление – незабываемое до сих пор, у многих, особенно женщин, всегда в глазах стояли слезы:

«Рідна мати моя, ти ночей недоспала,

*І водила мене у поля край села,
І в дорогу далеку, ти мене на зорі провозжала,
І рушник вишиваний на щастя дала.
І в дорогу далеку, ти мене на зорі провозжала,
І рушник вишиваний на щастя, на долю да-
ла...»*

И опять же, здесь, на этих «маёвках» нередко проявлялся сложный и непростой характер Н.Н. Щербакова: когда ему было нужно, застольные шутки переставали быть безобидными и перерастали в такую проверку – «свой» ли человек сидит за столом или чужой, случайный. В этом случае, рассказав очередную историю, Н.Н. внимательно поглядывал из-под кустистых бровей, насколько искренне и непринужденно реагирует испытуемый, от души или нет смеется его «баечке». Он мог начать подшучивать над человеком, которого за что-то не уважал – сначала незлобиво, а затем все жестче. Попасть ему «на язык» в такие минуты было попросту страшно.

Однажды такую «проверку» (в весьма легкой форме) Н.Н. между делом устроил и мне. Придя как-то на кафедру и застав компанию нескольких его друзей, я не сразу проявил интерес к общему оживленному разговору, отрешенно сел в стороне, занятый своими мыслями. Неожиданно Н.Н. встал

из-за стола, подошел ко мне и возбужденно, со смехом, громко произнес: «Мы как раз говорим обо мне, мол, я, как бедный узбек, имею в этой жизни только трех жен – и больше ничего». И засмеялся, пристально глядя на меня. Шутка, действительно, была с подтекстом: Н.Н. был трижды женат, всякий раз оставляя супруге все, что у него было. Я улыбнулся, сказал, что все еще впереди и как знать, насколько он может еще увеличить этот счет и стать богаче. Ответ понравился, Н.Н. искренне рассмеялся.

Я не был «своим» в кругу друзей Николая Николаевича, однако неоднократно испытывал его крепкую товарищескую поддержку. К примеру, в конце 1990-х ректорат, выполняя чьи-то мудрые указания, обязал кафедры общественных наук сократить численность преподавателей. В качестве кандидата «под нож» была названа и моя фамилия с просто железным обоснованием – для Иванова, мол, сокращение пройдет наименее болезненно, ведь у него есть свое дело... Я точно знаю, что Н.Н. ходил на второй этаж и крепко ругался там, не сдерживая голоса и слов: «закрывайте тогда вообще кафедру, если так относитесь ко мне и молодежи...».

Вокруг совета и не только. Не будет большим преувеличением сказать, что наш диссертационный совет был любимым детищем Н.Н. Щербакова. Вокруг него, а не кафедральных забот, разворачивались главные события последних лет жизни этого человека. В эту орбиту был вовлечен и я. На этих страницах приведу лишь один случай, характеризующий Н.Н. как руководителя совета и тонкого психолога. У него был действительно педагогический дар, однако проявлялся он весьма специфически, во всяком случае, со мной.

В 1995 г. ученый секретарь нашего диссертационного совета профессор Е.В. Алтунин попросил освободить его от этой тяжелой ноши, и, с подачи и рекомендации Н.Н., высшей аттестационной комиссией в этой должности был утвержден я, тогда кандидат наук. Время быстро бежит, и в течение 1995–2000-х годов несколько раз Н.Н. спрашивал меня, когда я допишу свою научную работу и представлю докторскую диссертацию, но я как-то отде-

лывался туманными обещаниями, ссылаясь на большую нагрузку на кафедре и в диссовете. Н.Н. неизменно урезонивал, мол, надо все успевать, пока молодой, давай, догоняй. Неизвестно, сколь долго продолжалась бы эта ситуация, если бы однажды, на очередном заседании совета, когда уже прошло представление квалификационных работ на следующую сессию, Н.Н. встал и сказал: «Наш совет на хорошем счету в ВАКе, за много лет мы не получали ни одной рекламации... Вы, конечно же, знаете, что в совете 17 человек, докторов – 16, кандидатов наук – один, и это, безусловно, большой минус нашему совету, это тянет нас назад». Н.Н. даже не глянул в мою сторону, но всем, и мне в первую очередь, было понятно, о ком идет речь.

У меня внутри что-то замерло и перевернулось, сердце сдавила жестокая обида. Ведь работа ученого секретаря была и остается сугубо общественной, отнимающей массу времени, сил, труда. Она неблагодарна и незаметна, постоянно связана с большим количеством бумаг, которые должны быть правильно и своевременно оформлены. К тому же это большая ответственность. При этом малейшие недочеты в отправке и оформлении документов не ускользали от всевидящего ока нашего ваковского куратора – М.И. – дамы помосковски заносчивой и ядовитой, несколько раз устраивавшей мне по телефону разносы в худшем духе партийных и советских времен. Одним словом, ничего кроме проблем должность ученого секретаря мне не приносила.

А тут еще такие слова, сказанные публично, при всех. Пришел домой, полночи не спал, все не мог успокоиться, а утром написал на имя председателя диссовета заявление с просьбой освободить меня от этой работы. Положил бумажный лист в «дипломат» и поехал во второй корпус. Застал Н.Н. в несколько приподнятом (конечно, не без помощи рюмочки) состоянии человека, совершившего накануне большое дело и наконец-то скинувшего с себя тяжелую ношу. Он благодушно восседал за рабочим столом, в своем темно-бордовом, изрядно потертом кресле, хорошо известном каждому члену кафедры. «А-а, Саша, проходи, садись», – сказал он одобительно-

Рис. 5. В Улан-Удэ. Справа налево И.В. Наумов, С.И. Кузнецов, Н.Н. Щербаков, Б.В. Базаров, Л.В. Курас
Fig. 5. In Ulan-Ude. From left to right I.V. Naumov, S.I. Kuznetsov, N.N. Shcherbakov, B.V. Bazarov, L.V. Kuras

поощрительно, протягивая руку и по обыкновению салютуя бровями.

Щербаков был наблюдательным человеком и по моему решительному и, наверное, несколько запальчивому виду, понял, что я не в своей тарелке. Безошибочно догадавшись, о чем и о ком сейчас пойдет разговор, Н.Н. быстро и искусно перехватил у меня инициативу, и стал рассказывать о трудностях в руководстве советом, об отсутствии взаимопонимания среди его членов и имеющихся «подводных течениях», а под конец речи весьма доверительно поведал о своих планах на омоложение состава совета, при этом совершенно серьезно несколько раз спросил мое мнение о том или ином нашем коллеге-историке.

Стена моей решимости быстро дала глубокую трещину, обида уходила все дальше и дальше, соответственно делаясь все меньше и незаметнее, превращаясь в едва различимую песчинку. Принимая все за чистую монету, я с умным и важным видом слушал, значительно поддакивал, осторожно выражал и высказывал свое мнение. В завершение разговора Н.Н. заговорил об обновленном сборнике «Сибирская ссылка», своих редакторских планах, сказав, что рассчитывает, в общем-то, «только на меня» – и на мое активное участие как автора-

исследователя, и на поддержку как издателя, могущего позволить себе прокредитовать хорошее и нужное дело очередного выпуска.

Через час я спускался по лестнице второго корпуса совершенно другим человеком. Заявление было забыто, захваченный планами Н.Н., окрыленный его доверием и расположением, я здесь же решил завершить работу над диссертацией, даже наметил себе рубежи – первая глава тогда-то, затем вторая... Удивительно, но этого запала, действительно, хватило: в 2002 г. в Улан-Удэ я защитился, оформил необходимые документы, вернулся в Иркутск, зашел на кафедру и тут услышал от Н.В. Кукош, нашего бессменного лаборанта и помощника Н.Н.: «Вот видишь, не разозли тебя тогда Николай Николаевич прямо на заседании диссовета, глядишь, и не сдвинулось бы дело с мертвой точки». – «Так это что, специально он значит?» – застрял в горле вопрос. – «А ты как думал, конечно!»

Последний раз я видел Н.Н. 19 апреля 2005 года, за два дня до смерти. В этот день мы с В.З. Аршинским и Н.В. Кукош пришли к нему домой, чтобы обсудить предстоящее 21 апреля заседание диссертационного совета. Н.Н. был измучен своей болезнью, но старался не подавать виду, сам

накрыл на стол, выставил омуль собственного посола, пытался шутить по поводу своей немощи и невозможности выпить с нами «под рыбку» рюмку-другую. Разговор часто прерывался, Н.Н. выходил в другую комнату, болезненно там откашливался, потом вовсе прилег на диван. Он чувствовал себя все хуже, но как за спасительную соломинку держался за проблемы, которые мы с собой принесли. Под конец разговора наши взгляды встретились, в глазах Н.Н. стояли слезы, как некогда, во время пения о любимых рушниках.

Слыть другом – ничего нет легче,
Быть другом – ничего нет реже.

Лафонтен

Наша первая встреча, студентов первого курса исторического факультета, с Н.Н. Щербаковым (Ю.А. Петрушин) состоялась в начале сентября 1971 г. Он тогда пребывал в возрасте Иисуса Христа. Высокий, статный, одет по-молодежной моде того времени, доцент, с прекрасной дикцией, он сразу покориł сердца и души студенческой аудитории оригинальным началом лекции, произнес фразу: «Начнем со стиха...» Признаюсь, что сам иногда пользуюсь этим методическим приемом в студенческой аудитории.

К слову, Николай Николаевич обладал хорошей памятью, знал немало стихов, любил в узком кругу подолгу декламировать стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Щапова. Лирические строки из литературной классики он нередко вставлял в свои научные исследования, придавая им образность и особый шарм. Сейчас это называют «научная поэтика». Неслучайно главной темой его научных изысканий по докторской диссертации стала проблема влияния ссыльных революционеров на культурную жизнь Сибири. Свою монографию Н.Н. посвятил героям первой русской революции, связавшим свою судьбу с сибирским краем.

Вполне закономерно, что Н.Н. Щербаков «открыл» для широкого круга научной общественности один из излюбленных жанров литературы политических ссыльных – поэзию. По его подсчетам политические ссыльные оставили общественности более 300 лирических и сатирических произведений, сонетов, эпиграмм и различного рода посвя-

щений. Они, по словам Н.Н. Щербакова, отражают внутренний мир политических каторжан: душевные переживания, стремление к свободе и борьбе, неуемную жажду жизни. В фундаментальной монографии (1984 г.) Николай Николаевич приводит высказывание Е.А. Трифонова (Бражнева), который создал поэтический образ узника, не согнувшегося под тяжестью репрессий: «Если б счастье, да удачу, если б волю мне! Я сыскал бы, что мне нужно, в дальней стороне!». Вдумчивый исследователь нащупал, пожалуй, самую болевую и в то же время оптимистическую точку художественного творчества политических ссыльных – жажду свободы.

Жажда жизни, оптимизм, свобода, радость творчества были присущи личности Н.Н. Не потому ли не сложилась его военная карьера?! Николая Николаевича «теснили рамки» военных уставов и корабельного кубрика, хотя военные команды иногда шутливо звучали в его голосе. Бывая с ним в командировках, рано утром в купе поезда, приходилось слышать, как он вдруг подавал нам четким голосом команду: «Вставать! Койки вязать! Завтракать!»

Свободолюбие и жизненный оптимизм он унаследовал от своих родителей, пронес через всю свою жизнь и научное творчество, найдя «соратников» в среде политических ссыльных.

Будучи атеистом по натуре, всегда веривший в силу науки, он чтит библейские заповеди. Прежде всего, он чтит родителей, заботился о матери, регулярно посещал могилу отца в Краснодарском крае, помогал ближним и страждущим в научном творчестве, умел разделить печаль и горе с близкими, не впадал в уныние до последних дней жизни.

Городской быт, как узкие улицы для большого транспорта, стесняли его широкую натуру. Было заметно, что Николай Николаевич с нетерпением ждал весны, как новой любви.

С апреля по октябрь его жизненный уклад менялся. Во-первых, открывался дачный сезон. Дача в жизни Николая Николаевича играла особую роль. Здесь, на земле, он проводил много свободного времени, постоянно занимался строительством, «огородничал», встречался с друзьями по историческому цеху. Как всегда с размахом, на его боль-

шом участке силами друзей был возведен основательный дом с печью, который он по русскому обычаю называл «хатой». Но основное время с друзьями проводил «на воздушках», под большим навесом. Здесь был оборудован большой верстачный стол с самодельными лавками, за который усаживались человек 5–7, заезжавших на «огонек к Щербакову». Николай Николаевич всегда готовил обед лично на костре в большом 12-литровом котле и огромном чайнике, называя себя «костровым». Обед и чай имели удивительный, с дымком вкус. Но особенно «посиделки» запомнились интересными размышлениями об истории. Николай Николаевич был внимательным и терпеливым слушателем и прекрасным рассказчиком. Он следил за основными новинками в мире истории (выписывал толстые журналы), был в курсе всех общественно-политических событий в стране и мире. Он любил точными выводами «алаверды» завершать

обсуждаемые темы. Нередко опирался на мнения своих учителей С.В. Шостаковича, Ф.А. Кудрявцева, Б.С. Санжиева, В.Т. Агалакова, И.И. Кузнецова, труды которых он высоко ценил. Пожалуй, особенно ценным был в рассказах Николая Николаевича профессиональный анализ творчества ученых – историков университета, на который мы опираемся и сегодня. Мы узнавали много нового из истории факультета (он бывал в археологических экспедициях, владел закрытой информацией из архивов, лично знал многих преподавателей довоенной поры).

Во-вторых, в сентябре Н.Н. устремлялся в тайгу. Охота и собирательство были его стихией. Он облачался в военную защитную форму, подвешивал охотничий нож и убывал «на дальний кордон». Здесь сценарий его бытия походил на события из фильмов про особенности национальной охоты или рыбалки. На «кордоне» он набирался сил и

Рис. 6. За добычей ореха
Fig. 6. By the picking the nuts

энергии для нового учебного года, делал основательные заготовки для дружеского застолья. Когда зимой мы приходили к нему в гости, на кухне всегда что-то варилось, томилось, «шкварчало» для стола многочисленных гостей. Он был на удивление хлебосольным хозяином.

Каждый из дней, проведенных с Н.Н. Щербаковым, сегодня предстает для нас не случайностью, а неотъемлемой частичкой внутреннего содержания этого человека. Эти воспоминания помогают нам по-иному оценить и свой настоящий день, его мимолетность, малость, и в то же время

связанность с другими днями, своими и чужими. В этом мы видим продолжение познания истории.

Вспоминая нашего учителя и друга, невольно сравниваешь себя, сегодняшнего, с ним, тогдашним. Подравнявшись возрастом, перещеголяя Щербакова количеством «научных публикаций» (сегодня это гораздо легче, чем тогда, в 1980-х), нам все-таки не достает его житейских знаний и качеств – широты души, жизнелюбия, умения дружить, – всего того, что так высоко ценил этот, так рано ушедший из этого мира, человек.

Статья поступила 12.01.2018 г.

Article was received in January, 12, 2018

Сведения об авторах

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии, истории и регионоведения,
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Кузнецов Сергей Ильич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2,
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Петрушин Юрий Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социальных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
e-mail: serg_petr@mail.ru

Критерии авторства

А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и документы к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Alexander A. Ivanov,
Doctor of historical sciences, professor, department of political science, history and regional studies,
Irkutsk State University,
2 Chkalova Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Sergey I. Kuznetsov,
Doctor of historical sciences, professor, head of the department of world history and international relations,
Irkutsk State University,
2 Chkalova Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Yury A. Petrushin,
Doctor of historical sciences, professor of department of philosophy and social sciences,
Irkutsk State University of Railway Transport,
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: serg_petr@mail.ru

Attribution criteria

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. have performed research, on the basis of the received results have carried out generalization, have prepared the manuscript and documents for printing, have copyright of article and bear full responsibility for her originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.